

жизненной силе, беспечный, нередко странный и парадоксальный, но живой, остроумный, добродушный, как подобает быть гению, Глинка — времен степановских карикатур, но вместе и творчества «Руслана» и самых вдохновенных его романсов.

Прошло еще несколько лет. На масленице 1857 года я был в покинутом мною за три года до того Петербурге. В одно утро на Мариинском театре возобновленная русская оперная труппа давала «Линду ди Шамуни» Доницетти. В ожидании увертюры, я стоял у оркестра. Вдруг входит в оркестр капельмейстер и даровитый композитор К. Н. Лядов, обливаясь слезами, идет прямо ко мне и говорит: «Знаете ли, М. Н., какое горе, какое несчастье? Сейчас получено письмо из Берлина: Глинка умер!» Более нам не было времени перемолвить ни слова, потому что К. Н. Лядову нужно было начинать увертюру; но нечего говорить, что мы оба перечувствовали в эти минуты.

Люди, не жившие с Глинкой в эпоху, о которой я говорил, полагают, что они первые так сказать открыли Глинку, до понимания которого будто бы тогда никто не дорос. Я сказал истину на этот счет. Правда, долго не многие решались «сметь свое суждение иметь» и понимать его музыку. Но существовали же тогда: кружок Брюллова, общество кн. Одоевского и т. п. Да позволено же будет именовать после этого и наш молодой круг, хотя составленный по большей части из людей, мало или почти не знавших музыки, но который Глинка любил и даже не пренебрегал его мнением, зная, что там любят искусство и имеют вкус. Мы хорошо знали его музыку, как бы инстинктивно признавали Глинку гением и не задумывались называть его этим именем, не ожидая санкции Герцевой залы в Париже или камер-музикусов Берлина и Дрездена. Нам перепел он бесчисленное число раз бессмертные свои песни, и только мы, слышавшие их от него самого, внимая им теперь, можем вполне чувствовать то, что сказал о них поэт:

Как будто в них вошла всецело
Для новой жизни без конца
Луша, оставившая тело
Их бездыханного творца*.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

ЗАМЕТКИ К ПИСЬМАМ М. И. ГЛИНКИ к К. А. БУЛГАКОВУ

Один из тогдашних аматеров, который славился в гостиных исполнении разных ходячих романсов, сопровождая свой голос фальшивым бреньчаньем на фортепианах, говорил про великого произведение¹, что оно «чем тебя я огорчила с барабанами». — Эта пошлость повторялась в партере во время представлений. Статьи, печатавшиеся тогда в «Северной пчеле» Булгарина, были наполнены хотя вполне невежественными, но весьма язвительными отзывами о Глинке; помню, что г. Булгарин, не имевший ни малейшего понятия о музыке, вероятно, с непонятых слов какого-нибудь музыкуса, печатал во всеуслышание, что Глинка не знает и оркестровки, ибо в «Жизни за царя» оркестр написан слишком низко. Эта нелепость никого не удивила.

* А. Н. Майков, в стихах «На кончину М. И. Глинки». — Примечание М. Н. Лончинова.

*

Я был тяжело болен пред постановкою «Руслана» и потому не знаю, что по этому случаю происходило. Вероятно, шестилетний успех «Жизни за царя» улучшил отношения между дирекцией и знаменитым сочинителем; но по поводу постановки «Жизни за царя» Глинка мне говорил, что с него была взята подписка — никогда не требовать ни малейшего вознаграждения за представления этой оперы.— Помню также, что последняя генеральная репетиция «Жизни за царя» производилась при стуке работников, околачивавших ложи Большого театра. Глинка наружно выказывал ко всему этому и другому многому² большое хладнокровие, но внутренно он глубоко огорчался таким пренебрежением и к искусству вообще и к нему лично. Он полагал, что при таких условиях «Жизнь за царя» не выдержит и трех представлений. Я радовался его твердости и железному терпению и замечал, что ему, как Ване, предстоит

в крепкой правде послужить,

ибо, независимо от нового шага в искусстве, его «Жизнь за царя» имела и политическое значение: он должен был противодействовать тому тяжелому впечатлению, которое еще живо оставалось в умах после проделок Аракчеевых и Магницких, своим самоуправством и презрением к законности нанесших столько вреда самым чистым и святым народным убеждениям.

*

Заметим здесь одно обстоятельство, которое может пригодиться и для декораторов вообще и в особенности для будущих постановок «Руслана». Глинку очень занимала декорация Черноморова сада. «Боюсь,— говорил он мне,— что мне нарисуют балкончиков с розанчиками; мне бы хотелось и е б ы в а л ы х деревьев, цветов...». В это время я занимался микрографией,— передо мною лежала книга знаменитого Эренберга с рисунками микроскопических растений и животных. «Что это такое?» — спросил Глинка.— Твой Черноморов сад,— ответил я шутя. Перебравши рисунки, мы отобрали многие из них и первая декорация Черноморова сада (сгоревшая) была вся составлена по книге знаменитого энтомолога из микроскопических растений, разумеется, увеличенных до чудовищного размера и небывалых никогда на сцене. Это предание, на беду, потерялось у декораторов, или вовсе осталось для них неизвестным.

*

Справедливость заставляет меня заметить, что дон Педро не только был очень хороший музыкант, но страстно любил Глинку и ухаживал за ним как за ребенком. Он был Глинке действительно полезен, а не вреден.

*

Я видел в последний раз Глинку проездом чрез Берлин в 1857 г. Он уже был болен; за ним ухаживали две немочки³; он весь вострепнулся, услышав русскую речь, и обрадовался мне несказанно.— «Всякий день тебя благодарю, говорил он мне, что надоумил познакомиться с Деном; что за человек! я думал, что я что-нибудь в музыке смыслю, но когда я поговорил с Деном, то припомнились мне твои слова, что мы в музыке кроме вершков ничего не знаем. Я сказал Дену: «вы забудьте, что перед вами сочинитель двух опер; трактуйте меня, как ничего не знающего школьника и начните со мною музыку с самого начала». Глинка рассказал мне о своих контрапунктических работах с Деном, [что] весь погрузился в церковную музыку; несмотря на мое противодействие, Глинка встал

с постели, утверждая, что у него только минутное нездоровье, и сыграл мне свою небольшую новую пьеску ⁴ в строгом церковном стиле, разумеется западном. — Как жаль, что я не догадался тогда списать этот листок, — но я не ожидал, что вижу Глинку в последний раз. Через две недели, будучи в Веймаре, я узнал, что прислали из Берлина за русским священником — похоронить русского, которого имя немцы, по обычаю, коверкали всеми возможными и невозможными способами. Скоро я убедился, что этот русский человек — был Глинка!.. При мысли об этой невозвратимой потере, нельзя не вспомнить, что с его смертью погиб, может быть, целый новый период нашей церковной музыки, к которой Глинка готовился. — Ден, величайший из музыкальных теоретиков и археологов, каких только привелось мне встретить в жизни, отзывался о Глинке с непритворным, глубоким уважением и сочувствием. Кстати позволю себе выписать несколько строк из моего путевого дневника 1857, ныне уже не лишенных интереса. Под 4 февр. у меня записано: «Был у Глинки — он в постели. Он подружился с Мейербером; отрывки из «Жизни за царя» были здесь исполнены (в это время Мейербер был, кажется, капельмейстером в Берлине); на репетициях Глинка простудился и теперь болен» ⁵.

Ф. М. ТОЛСТОЙ

ПО ПОВОДУ „ЗАПИСОК“ М. И. ГЛИНКИ

Записки М. И., конечно, не предполагались для печати, потому что писанные в 1854 году, следовательно, *après coup* *, как выражаются французы, многое в них не проверено, многое упущено и нередко случаются такие интимные показания, которые покойный М. И. навряд ли имел намерение выводить на свет божий.

В предисловии к «Запискам» от редакции «Русской старины» ¹ сказано, между прочим: «Издавая теперь вполне «Записки» М. И. Глинки, мы надеемся оказать услугу не только людям, специально занимающимся музыкой, для которых значение этих «Записок» неопределимо, но и вообще содействовать уяснению того любопытного периода нашей истории, который характеризуется таким необычайным развитием у нас художественного творчества».

«Специально занимающиеся музыкою», как выражается почтенная редакция, вправе были бы ожидать от «Записок» М. И. более существенной пользы, так как они писаны величайшим из наших композиторов не в юности, не шаг за шагом, а в полной зрелости, опытности и при совершенном развитии громадного таланта. В этом отношении, т. е. в отношении пользы, «Записки» могли бы быть существеннее, повторяю я, если бы в них было поболее музыкально-художественных воззрений ²; но как материал к будущей биографии М. И. и как живые страницы из нашей недавно-прошлой общественной жизни, «Записки» эти действительно неопределимы **.

Как бывший приятель, и одно время весьма близкий человек к покойному, я читал записки эти с сердечным волнением; прошлое живо предстало в памяти моей и собственные мои воспоминания, нахлынув волною, невольно, так сказать, излились на бумагу [...].

* задним числом, буквально: после (факта), потом (франц.)

** Для специалистов письма М. И. к Булгакову, помещенные во 2-м № «Русского архива» за 1869 г., представляют несравненно более пищи. — *Примечание Ф. М. Толстого.*